

Животный инстинкт подсказал Цянь Юю, что надвигается опасность. Волосы на затылке встали дыбом, и он почувствовал, что дела плохи. Он вскочил и бросился бежать, но в комнате было тесно, и ему некуда было скрыться. Вскоре Чэнь Минхуэй прижал его к полу.

Чэнь Минхуэй низким голосом спросил:

— Сяо Юй, как именно та бродячая собака тебя укусила? Куда она тебя укусила? Не здесь ли?.. А?

Его глубокий голос, звучащий прямо в ухо Цянь Юя, заставил того обмякнуть, словно он стал маленьким кроликом в когтях орла.

В этот день Ван Шинань неторопливо вышел за ворота школы, его глаза блуждали по девушкам с подозрительным интересом. Внезапно кто-то сильно толкнул его сзади. Ван Шинань обернулся, готовый обругать обидчика, но вокруг было много людей, и он не смог понять, кто именно его толкнул. Проклиная свою неудачу, он пошёл домой, но заметил, что его рюкзак почему-то открыт. Видимо, он забыл его застегнуть в спешке. Ван Шинань хотел закрыть его, но вдруг увидел внутри пустого рюкзака аккуратно лежащий листок бумаги.

Он сначала замер, затем сердце его забилось чаще. Оглянувшись по сторонам, он быстро вынул письмо.

Бумага была простой, без украшений, и нельзя было сказать, кто её написал, но Ван Шинань уловил на ней лёгкий аромат, похожий на тот, что исходил от девушек в классе. Он поднёс письмо к носу и вдохнул. Приятно.

Ван Шинань уже представлял себе, что это может быть, и с нетерпением развернул листок. Буквы на нём были не особо красивыми, но Ван Шинань сразу понял, что это женский почерк, и даже нашёл в нём некую изящность.

Содержание письма было прямым, смелым, полным страстных и вызывающих румянца слов. Ван Шинань читал его с гордостью, не чувствуя ни капли смущения.

Вернувшись домой, он растянулся на кровати, всё больше наслаждаясь собой. Он постукивал по письму, затем встал, взял зеркало и стал рассматривать своё отражение. Ему казалось, что он выглядит невероятно привлекательно.

— Ван Шинань, Ван Шинань, как же ты красив! Посмотри, до чего ты довел эту девушку. Это письмо... просто огонь! Она, наверное, без ума от тебя, — самодовольно бормотал он. — Интересно, кто она? Может, из нашего класса? Или из другого? Трудно сказать, ведь я так хорош. Ха-ха-ха!

Понаслаждавшись собой, он почувствовал голод. Посмотрев на улицу, Ван Шинань нахмурился.

В этот момент дверь открылась, и вошёл его отец. Увидев сына, он спросил:

— Уроки закончились?

Ван Шинань недовольно кивнул. Отец снял грязные ботинки и бросил их на кровать, наполнив комнату запахом пота. Он, казалось, не замечал этого.

— Устал как собака, — вздохнул отец.

Ван Шинань сморщил нос, глядя на грязного, покрытого грязью отца. Он был слишком неряшлив, даже не удосужился помыться. Это могло испортить впечатление о нём у той девушки, которая написала письмо.

Ван Шинань думал, что если бы его родители были такими же чистыми и аккуратными, как родители некоторых его одноклассников, то у него было бы ещё больше поклонниц. Может, он даже стал бы самым популярным парнем в школе.

Пока он предавался фантазиям, в комнату вошла его мать. Чжан Цзюй, сторбившись, с трудом тащила два сельскохозяйственных инструмента. Увидев сына, она словно сбросила с себя всю усталость.

— Наньнань, ты дома? — с улыбкой спросила она.

Ван Шинань посмотрел на своих родителей и снова подумал, как они портят его имидж.

— Почему вы такие грязные? Неужели нельзя помыться? — упрёкнул он.

Чжан Цзюй смутилась.

— В поле работать — всегда грязно. Все так живут. Да и горячей воды нет, чтобы помыться сразу.

— Ладно, хватит болтать. Если не хотите мыться, тогда хотя бы приготовьте ужин. Вы же видите, какой уже час? Я умираю от голода!

Отец, лежавший на кровати и молча слушавший, наконец заговорил:

— Это всё твоя мать. Все уже закончили работу, а она всё ещё отдыхает. Все не устают, только она. — Он становился всё злее. — Быстрее готовь ужин, я весь день работал, устал.

Чжан Цзюй поспешно ответила:

— Сейчас, сейчас...

Она быстро убрала инструменты в сарай, помыла руки и начала готовить.

Но она тоже целый день работала в поле, и, будучи женщиной, её силы были меньше, чем у мужчин. Готовить на большой деревенской плите было не так легко, особенно когда нужно было разжигать огонь. Всё шло медленнее обычного.

Ван Шинань в комнате шумел и хлопал дверьми.

— Можете быстрее? Я скоро умру с голоду!

— Сейчас, сейчас, — отвечала Чжан Цзюй, но её силы были на исходе. Когда она наклонялась, чтобы нарезать овощи, то чувствовала, как спина вот-вот сломается.

Но она не жаловалась, боясь упрёков со стороны сына и мужа, и молча терпела.

Наконец ужин был готов, но Чжан Цзюй села за стол последней. Еда уже остыла, а Ван Шинань и его отец уже закончили есть и легли на кровать.

На тарелках осталось лишь немного соуса, и Чжан Цзюй съела его с рисом. Она была так

устала, что даже не помыла посуду, оставив её на плите. Наконец она добралась до кровати и почти сразу заснула.

Ван Шинань, который хотел попросить у матери денег на масло для волос, только фыркнул.

— Свинья, сразу спать.

На следующий день Ван Шинань проснулся, его родители уже ушли, и он так и не получил денег на масло. Но ему казалось, что без него он не может выйти из дома. Письмо заставило его задуматься о своём внешнем виде, и он решил украсть немного растительного масла из дома и намазать его на волосы.

Масло сделало его волосы жирными и грязными, превратив обычного парня в неприятного и неряшливого. Но Ван Шинань этого не замечал, считая, что выглядит потрясающе, и с удовольствием отправился в школу.

Весь день его глаза блуждали по классу, он пристально смотрел на девушек, пытаясь угадать, кто написал ему письмо. Несколько самых красивых девушек стали объектами его особого внимания, и он даже намеренно создавал ситуации, чтобы прикоснуться к ним. Девушки, увидев его жирные волосы, чуть не стошнило.

Ван Шинань весь день наблюдал и решил, что, вероятно, письмо написала одна из самых красивых девушек. После уроков он даже начал незаметно следовать за одной из них, что сильно напугало её. Несколько дней она боялась ходить одна.

Ван Шинань ничего этого не знал, он был в восторге, ведь он снова получил письмо. Оно снова было тайно подложено в его рюкзак, и почерк, казалось, был тем же.

Он был так счастлив, что вечером за ужином снова начал придирааться.

— Мама, дай мне немного денег, я хочу купить масло для волос и новые кожаные туфли.

— Кожаные туфли? — удивилась Чжан Цзюй. — Это же дорого! Даже дешёвые стоят тридцать-сорок юаней, это почти три месяца наших расходов.

Ван Шинань швырнул палочки для еды.

— Чэнь Минхуэй уже носит кожаные туфли, а он сирота! Неужели я, у которого есть родители, буду хуже него? Тогда зачем мне такие родители, если они хуже, чем их отсутствие?!

Отец громко хмыкнул.

— Это всё твоя мать виновата. Женщины глупы и недалёковидны. Чэнь Минхуэй обманом забрал домовую книгу и изменил свой возраст, иначе как бы он, несовершеннолетний, смог бы купить дом?

— Он тогда ясно сказал, что попал в беду и хочет изменить возраст в документах, чтобы пойти в армию, — оправдывалась Чжан Цзюй. — Я думала, если он уйдёт в армию, дом освободится, и мы сможем использовать его для Наньняня, когда он женится. Кто бы мог подумать, что он просто обманул меня и сам продал дом.